

Балто-Черноморская система

Матрицы и перспективы восточноевропейского политического развития

Михаил Ильин

Геополитическая Балто-Черноморская система (далее — БЧС) лежит в географическом Балто-Черноморском *Междуморье*. Его образуют две полосы территорий, принадлежащих к бассейнам Балтийского и Черного морей, которые разделены меридиональным массивом высоких Карпат и уходящим к северу водоразделом Вислы и Немана. Территории, расположенные к востоку от них, мы привычно называем Восточной Европой, к западу — Центральной Восточной Европой. В результате политического развития эти территории постепенно становятся *междумирьем* Западной Европы и Северной Евразии, выступая в качестве ключевой связки двойной цивилизационной системы Европа–Россия.

Первоначальные контуры Балто-Черноморского «месторазвития», складывающегося в восточном, предкарпатском сегменте *междуморья*, создают ядро Киевской Руси и две приморские периферии. Эта формула надолго сохранится как структурный алгоритм БЧС. Два инварианта БЧС сложились в XIV–XVI и в XVII–XVIII вв. В настоящей

статье мы подробно рассмотрим судьбу БЧС на протяжении последних двух с половиной веков — с момента распада второй БЧС до наших дней.

Разделы Речи Посполитой и поглощение БЧС Россией

Первый раздел Речи Посполитой скорее следует трактовать не столько как раздел, сколько как лишение ее обременительного груза, оставшегося со времен гегемонии конца XVI – начала XVII вв. Россия и Австрия «вползали» в собственно Балто-Черноморское пространство. Россия присоединила ряд украинских и белорусских земель, которые были ее давними территориями-ориентирами. Австрийская империя получила Прикарпатье. На этих землях бывшей Галицкой Руси было создано так называемое Королевство Галиции и Лодомерии. Тем самым аннексировалась территория-ориентир, которая издавна являлась сферой интересов Венгрии.

В остальном полученная конфигурация оказалась достаточно двусмысленной.

Идее восстановления польского статуса внешнего имперского центра противоречило сохранение за Речью Посполитой не только исторической Литвы, но и Белоруссии, а также части украинских земель. При этом Пруссия приобрела Поморье (за исключением Гданьска) и значительную часть Великой Польши. Таким образом, остатки Польско-Литовской политики как бы «втлкнувались» внутрь Балто-Черноморья и превращались из имперского центра в комплекс территорий-ориентиров. Пруссия же недвусмысленно вытесняла Польшу из функциональной ниши имперского центра БЧС и пыталась занять ее место.

В сложившейся ситуации и полякам, и литовцам следовало задуматься о целесообразности сохранения «республики двух народов» и о поиске своего места как в БЧС, так и в Европе. Однако это потребовало бы не только разделения единой рамочной политики, но и внутренних преобразований, необходимых для создания консолидированных суверенных территориальных государств или, в случае Литвы, — федеративной государственной конструкции. Подобный образ мышления был чужд как польским, так и литовским политикам, находившимся в плену привычных великодержавных схем «золотых веков». Одновременно с попытками укрепить центральную власть в Варшаве активизировалась деятельность неформальных полусуверенных конфедераций, тяготевших к различным внешним центрам силы, прежде всего к России и Пруссии. Это превращало их в аналог территорий-ориентиров, в своего рода центры-ориентиры, что на практике вело к превращению Польши в пространство соперничества внешних сил.

Принятие конституции (1791 г.) было направлено на укрепление центральной власти: избираемость короля заменялась

избираемостью династии, при короле создавался совет «Стражи законов», король получал право назначать епископов, сенаторов, чиновников и офицеров, а в случае войны осуществлял верховное командование армией. Более современным становился и Сейм: отменялись посольские инструкции, право *liberum veto*. Запрещался созыв конфедеративных сеймов. В условиях революционной дестабилизации европейского порядка появление центра конституционализма на Висле серьезно обеспокоило европейские державы. Однако главную угрозу преобразованиям несли внутренние факторы — сохранение системы конфедераций. В частности, Тарговицкая конфедерация напрямую обратилась к Российской империи с просьбой вмешаться, что и привело ко второму разделу Речи Посполитой. В январе 1793 г. Россия и Пруссия подписали соглашение о новом разделе. Россия получила украинские и белорусские земли. Пруссии достались часть Великой Польши и Куявия, а также Гданьск.

Последний в истории Речи Посполитой Сейм 1793 г. был вынужден признать результаты второго раздела и ратифицировать соответствующие договоры с Россией и Пруссией. Одновременно была принята новая конституция, которая фактически ставила остатки Польско-Литовского государства (исторические «ядра» двух политий — Малую Польшу с Подляшьем и Мазовией и собственно Литву) в зависимость от Российской империи. Место Польши в БЧС полностью и безоговорочно переходило к Пруссии.

У Польши и Литвы оставался шанс вместе или порознь сохранить политическую самостоятельность уже в качестве территорий-ориентиров. Но и эта возможность была упущена. Начавшееся в марте 1794 г.

восстание под руководством Т. Костюшко сделало неизбежным третий раздел Речи Посполитой. К концу года страна была оккупирована русскими войсками. В январе 1795 г. Россия и Австрия подписали конвенцию о территориальном разделе и установлении границы между двумя империями. В октябре того же года между Россией и Пруссией было заключено соглашение, по которому в результате раздела Литвы Пруссии досталась Жемайтия, а России — Аукшайтия.

Происходившие в БЧС процессы подтолкнули курляндское дворянство выступить с инициативой присоединения герцогства к России. В конце марта 1795 г. П. Бирон был вынужден отречься от престола, а 27 мая его бывшее герцогство вошло в состав Российской империи на правах губернии.

Четвертый раздел Польши был осуществлен по Тильзитскому мирному договору 1807 г. Пруссия лишилась части польских земель, на которых было образовано Великое Княжество (Герцогство) Варшавское. По конституции 1807 г. оно объявлялось наследственной конституционной монархией. В 1809 г. в состав княжества по мирному договору с Австрией вошли Западная Галиция и Замойский округ.

На Венском конгрессе (1814–1815 гг.) был произведен пятый раздел Польши*. В марте 1813 г., еще в ходе войны с Наполеоном, русский император назначил временное правительство Княжества Варшавского. На Венском конгрессе Александр I выступал за воссоздание польского государства под скипетром России. Тем самым он, с одной стороны, стремился, возможно, безотчетно, не только поглотить

БЧС, но и установить полный контроль над осью Восток–Запад, а с другой — вполне осознанно желал получить «европейское» предмостье для Российской империи. Однако ему пришлось пойти на уступки. В мае 1815 г. между Россией, Пруссией и Австрией были подписаны договоры, по которым Пруссия получила Познаньский и Быдгощский департаменты княжества, Австрия — район Велички, а также Краков с полисной хорой в качестве «вольного города» под австрийским протекторатом. Остальная территория была присоединена к России и составила Королевство (Царство) Польское. По конституции оно должно было быть «неразрывно связано с Россией» в форме унии, олицетворяемой особой Российской император, который получал титул короля Польши.

Российская латентная фаза существования БЧС

Отчасти на фоне наполеоновских войн, отчасти в результате их завершения Россия полностью вбирает в себя территории-ориентиры и даже создает своего рода стратегическое предмостье в Центральной Восточной Европе в виде Польши. Тем самым Польша фактически превращается в территорию-ориентир и остается в этом качестве вплоть до восстановления государственности после Первой мировой войны. Не менее значительным, особенно в долгосрочной перспективе, было включение в состав Российской империи фланговых пространств — Финляндии и восточной части Молдавии, так называемой Бессарабии. Однако фокус политических решений,

* В контексте наших рассуждений раздел Польши по Пакту Молотова–Риббентропа (1939 г.) следует считать шестым. — *Прим. авт.*

связанных с поглощением Балто-Черноморского пространства, был сосредоточен именно в Польше.

За полгода, прошедших после Венского конгресса, была полностью подготовлена конституция Царства Польского. Александр I осуществил свою мечту, которую не мог воплотить в жизнь в России: пусть не в Петербурге, а в Варшаве, но 27 ноября 1815 г. он подписал документ, дарующий его поданным конституцию. Она провозглашала неприкосновенность личности, свободу печати, независимость суда, а также даровала политические права, включая активное и пассивное избирательное право, обусловленное высоким имущественным цензом.

По конституции всей полнотой исполнительной власти обладал Царь Польский. Законодательную власть осуществлял Сейм в составе государя, назначаемого сената и палаты представителей, или так называемой посольской избы. В нее входили 77 представителей шляхты и 51 представитель от территориальных единиц — гмин. Сейм должен был собираться каждые два года или по мере необходимости. Фактически состоялось всего четыре созыва Сейма — в 1818, 1820, 1825 и 1830 гг.

Польское восстание 1830 г. сделало невозможным продолжение деятельности Сейма и сохранение конституции. Принятый Сеймом 25 января 1831 г. акт о низложении Николая I и образовании Национального правительства перечеркнул перспективу конституционного развития Польши в рамках Российской империи. После подавления восстания был принят «Органический статут», изменивший польскую конституцию. Упраздненный Сейм предполагалось заменить «собранием провинциальных сословий», однако оно так и не было создано. Не были созданы и органы городского и сельского самоуправления.

После подавления восстания 1863–1864 гг. польская конституция была окончательно ликвидирована. Политические институты, включая Государственный совет и правительственные комиссии Царства Польского, были упразднены, а само оно было преобразовано в Привислинский край. Лозунг польских повстанцев «За вашу и нашу свободу» парадоксальным образом обернулся усилением несвободы и для Польши, и для всей Российской империи: вместо двигателя общероссийской модернизации Польша становится ее тормозом.

Таким образом, сразу после интеграции Балто-Черноморских земель начинает реализовываться модель анклавной модернизации: имперским автономиям — Царству Польскому и Великому Княжеству Финляндскому — предоставляется право осуществлять внутреннюю политику на принципах самоуправления и представительства. В первом случае результаты были плачевными. Постоянные «национально-освободительные» демонстрации провоцировали сначала ограничение, а затем и свертывание автономии Польши, а с ней и соответствующих модернизационных практик. Финский опыт оказался более успешным. Здесь не только удалось развернуть достаточно передовую структуру политических институтов, но к концу первого десятилетия нынешнего века придать ей параметры, отвечающие стандартам современной демократии.

В других регионах Балто-Черноморского Междумирья особый режим осуществлялся в более скромных масштабах. В 1816 г. Александр I утвердил разработанный эстляндским дворянством проект освобождения крестьян без земли. Аналогичные законы были приняты в 1818 г. для Курляндии, в 1819 г. для Лифляндии. В Латгалии, оставшейся Двинской провинцией Псковской губернии, крепостное право сохранилось.

На остальных Балто-Черноморских территориях — от литовского Северо-Западного края до молдавской Бессарабии — формально действовали общие порядки административного управления Российской империи. Но и здесь, в том числе во многих местностях Украины и Белоруссии, сохранялись специфические институты и практики решения повседневных вопросов. Модернизационные процессы успешно продвигались в причерноморской Новороссии, в Крыму, Донбассе и на некоторых других территориях.

Таким образом, вся зона Балто-Черноморья представляла собой особый мир внутри Российской империи. Об этом свидетельствовала, в числе прочего, и небывалая концентрация в этой зоне еврейского населения. Еще в XII в. преследования евреев в Священной Римской империи вынудили их начать переселяться на восток. Власти Польши всячески содействовали этому переселению. После образования «республики двух народов» поощрялась миграция евреев в Белоруссию и на Украину. Разделы Польши дали толчок дальнейшему перераспределению евреев, которые стремились занять наиболее благоприятные места в больших и малых городах Балто-Черноморского региона. В Российской империи была установлена черта оседлости, что только способствовало концентрации еврейства на западе. На рубеже веков оно составляло значительную долю жителей таких крупных или «столичных» городов, как Варшава (32,5%), Одесса (34,4%), Лодзь (31,8%), Вильнюс (41%), Кишинев (46%). Евреи заметно преобладали в Бердичеве (78%), Пинске (77,3%), Бродах (72,1%), Бресте (65,8%), Белостоке (63,4%), Полоцке (61%), Бобруйске (60%), Умани (59%). По территориям наибольшая концентрация еврейского населения отмечалась в Минской губернии

(15,8%), особенно в южной ее части, в Ковенской (13,7%) и Виленской (12,9%) губерниях, в Бессарабии и в прилегающих частях Украины.

Можно констатировать, что все прежние территории-ориентиры — пусть в разной степени и разным образом — отличались отклонением от общеимперских стандартов в сторону «европейскости». Здесь постепенно формировалась питательная среда для усвоения и переработки поступавших с запада импульсов развития.

Вторая русская смута и возникновение Третьей БЧС

Кризис, вызванный Первой мировой войной, породил вторую русскую смуту, которая привела к переструктурированию пространства территорий-ориентиров БЧС.

Процессы высвобождения латентных структур начались еще в ходе войны. Русское наступление в Галиции поставило вопрос о будущем прикарпатских земель. Уже в августе 1914 г. Великий князь Николай Николаевич призвал поляков объединиться «под скипетром русского царя» на условиях предоставления Польше полного самоуправления. Оккупация польских территорий Центральными державами позволила им в ноябре 1916 г. провозгласить на входивших в состав России польских землях независимое государство — конституционную монархию. Началось формирование польского легиона, который должен был воевать против России. Несколько раньше, в том же году, в России были созданы две бригады латышских стрелков (около 4 тыс. человек). Стрелки удерживали фронт до сдачи Риги Л. Корниловым в сентябре 1917 г. Впоследствии они приняли активное участие в Октябрьской революции и гражданской войне на стороне советской власти.

Временное правительство признало право Польши на самоопределение, а в сентябре 1917 г. в Париже был сформирован Польский национальный комитет. В пику этим решениям в ноябре 1917 г. на оккупированных Центральными державами территориях создается регентский совет. В Литве в условиях германской оккупации созданная 21 сентября 1917 г. конференция общественности избрала так называемую Литовскую Тарибу, которая 11 декабря приняла решение о восстановлении литовской государственности и заключении союза с Германией. В феврале 1918 г. Тариба декларировала независимость Литвы, а в июле провозгласила ее «королевством, находящимся под покровительством Германской империи».

В ноябре 1917 г. на свободной от немецкой оккупации территории Латвии была создана Советская Латвия, которой советское правительство передало Латгалию. Страна впервые обрела нынешние границы. Финляндия получила независимость. На Украине была сформирована Центральная Рада. На многих территориях-ориентирах активизировались национальные движения под лозунгами обретения государственной самостоятельности.

Последовавшая за Брестским миром оккупация практически всего Балто-Черноморского пространства сильно сказалась на процессах самоопределения территорий-ориентиров. Оккупационные власти пресекали стремление к независимости и поддерживали политические силы, ориентированные на союз с Центральными державами.

Революция в Германии 1918 г. стала поворотным моментом в формировании новых государств в Балто-Черноморском Междуморье, включая и Польшу.

В Латвии возникли сразу три центра силы. 18 ноября 1918 г. Демократический

блок, находившийся в подполье и ориентированный на Антанту, созвал Народный совет Латвии, который провозгласил независимость страны. Главой временного правительства был избран К. Ульманис. Однако правительству удалось получить лишь ограниченный контроль, а само оно расположилось в Лиепае.

В те же ноябрьские дни 1918 г. латышские социал-демократы создали конференцию и приняли решение о подготовке восстания. В декабре было создано Временное советское правительство Латвии во главе с П. Стучкой, на помощь которому из России двинулись красные латышские стрелки. 17 декабря 1918 г. в Даугавпилсе была провозглашена советская власть, а 3 января 1919 г. в Риге был избран ЦИК Советской Латвии.

Несмотря на революцию в Германии, немецкие войска остались в Прибалтике. Ориентированные на Германию политические силы пытались с их помощью установить свою власть. В апреле 1919 г. немецкие части заняли Лиепаю, в мае — Ригу. Только в конце июня латвийская армия, сформированная правительством Ульманиса, выбила немецкие войска из Риги. Но они закрепились в Курземе и вступили в союз с русскими белогвардейцами. Наступление на Ригу в ноябре 1919 г. было отбито. К началу 1920 г. армия Ульманиса, опираясь на поддержку Антанты, установила контроль над всей территорией страны.

Ключевое значение для структурирования Балто-Черноморского пространства имели события в Польше. 7 ноября 1918 г. в Люблине была провозглашена Польская народная республика и сформировано Временное народное правительство во главе с И. Дашиньским. 11 ноября регентский совет передал Ю. Пилсудскому командование польским легионом, а 14

ноября — всю полноту власти. Однако двоевластия удалось избежать благодаря достигнутому компромиссу: Временное правительство распустилось, Пилсудский стал «временным начальником государства», были назначены выборы в Учредительный сейм на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. В январе 1919 г. по соглашению с Польским национальным комитетом назначенное Пилсудским правительство Е. Морачевского сменило правительство И. Падеревского.

26 января 1919 г. состоялись выборы в Учредительный сейм. 20 февраля была принята Малая конституция, действовавшая до марта 1921 г. Пилсудский сохранил свой пост «начальника государства», но стал ответственным перед Сеймом.

На перипетиях гражданской войны на Украине сказались как воздействие внешних сил — Германии, затем Антанты, Польши и России, так и сложная геополитическая структура сочленения трех разных имперских «украин» и промежуточных территорий. Здесь одновременно сосуществовали, сражались друг с другом и вступали в союзы различные центры власти, армии и государственные образования.

В ходе советско-польской войны мощное наступление поляков привело к оккупации обширных территорий в исторических границах Речи Посполитой. Контрнаступление Красной армии достигло Варшавы, но от берегов Вислы советские войска были отброшены. Антанта ультимативно потребовала установить границу вдоль линии Керзона. Это означало восстановление линии размежевания, которая примерно соответствовала положению времен первого раздела Речи Посполитой.

В течение 1920 г. Советская Россия признала новые прибалтийские государства:

2 февраля — Эстонию, 12 июля — Литву, 11 ноября — Латвию.

Спонтанные процессы размежевания в ходе гражданской войны привели к воссозданию структуры территорий-ориентиров, которая окончательно определилась благодаря четкому контрапункту Москва–Варшава и завершению советско-польской войны 1920 г.

Третья БЧС и ее Центрально-Восточноевропейский двойник

Сложившаяся к началу 1920-х годов конфигурация размежеваний в новой БЧС привела к обретению рядом территорий-ориентиров статуса суверенных государств и к передвижению на восток границ контроля евразийского властного центра — СССР. В лимесной зоне Балто-Черноморья советскими властями были созданы квази-государственные структуры — Украинская и Белорусская союзные республики, а также Крымская и Молдавская автономные республики (тем самым косвенно признавалась и учитывалась принадлежность соответствующих территорий к БЧС). Контроль над рядом территорий-ориентиров, в частности, над Прибалтикой, где возникли три новых государства — Эстония, Латвия и Литва, был утрачен. Бессарабию, точнее, Молдавию между Прутом и Днестром, захватила Румыния. Польша установила контроль над западными землями Белоруссии и Украины, а также над Вильнюсским краем, отторгнутым от Литвы в 1919 г. Германия сохранила традиционное присутствие в Пруссии, хотя и уступила Клайпедскую область Литве.

Конфигурацию БЧС теперь определяли четыре центра силы: ослабленные, но сохранившие свои традиционные места в системе СССР и Германия, восстановленная Польша и впервые выдвинутая на эту

роль Румыния. Все эти центры в той или иной степени «вползали» внутрь лимесного Балто-Черноморья, оккупируя территории-ориентиры. Новые игроки — Польша и Румыния — образовали две фланговые квази-имперские структуры, ориентированные на соперничество с Москвой. Только в Прибалтике территориям-ориентирам удалось в полной мере самоопределиваться и создать суверенную государственность. Все остальные территории-ориентиры непосредственно подчинялись центрам силы.

Характерно, что скандинавский (Швеция) и анатолийский (Турция) центры силы, вытесненные из Второй БЧС на исходе ее существования в XVIII в., на этот раз не претендовали на место в системе и в качестве кандидатов на эту роль никем не рассматривались.

Помимо Польши и Румынии в структуру Центрально-Восточноевропейского двойника Третьей БЧС вошли новообразованные «составные» государства Чехословакия и Югославия. Лишенные имперского статуса Австрия и Венгрия уже не были способны выступать в роли центров силы БЧС.

Политическое развитие большинства центрально-восточноевропейских и восточноевропейских стран в значительной степени определялось размежеванием по линии город–село и последующим торжеством политических сил, связанных с селом. Для них были характерны поверхностность межпартийного соперничества и жесткость политических размежеваний. Еще одной важной особенностью стало появление в формально парламентских республиках института «начальника государства» (президента): в Польше — Ю. Пилсудского (временный «начальник государства» в 1918–1922 гг., премьер-министр в 1926, 1930 гг., президент в 1926 г., фактический глава режима санации в 1926–1935 гг.), в

Финляндии — К. Маннергейма (регент в 1918–1919 гг., фельдмаршал и главнокомандующий финской армии, президент в 1944–1946 гг.), в Латвии — К. Ульманиса (премьер-министр в 1918–1919, 1919–1921, 1925–1926, 1931, 1934–1940 гг., президент в 1936–1940 гг.), в Эстонии — К. Пятса (премьер-министр в 1918–1919, 1931–1932, 1933–1938 гг., президент в 1938–1940 гг.), в Литве — А. Сметоны (президент в 1919–1920, 1927–1940 гг.). Это явление на свой лад подтверждает более широкое сочетание фактической склонности к гегемонии (самодержавный синдром), с одной стороны, и уважение формальных правил, с другой.

Важной общей тенденцией развития большинства центрально-восточноевропейских и восточноевропейских государств стало авторитарное свертывание конституционализма.

Первой поворот к авторитаризму осуществила Литва. Здесь доминировали консерваторы — партия христианских демократов (крикдемы), основными соперниками которых выступали центристы — народники (ляудининки). Место левее крикдемов занимали социал-демократы, правее — националисты (таутининки).

Выборы в Сейм 1926 г. ознаменовали сдвиг общественных настроений влево. Ляудининки и социал-демократы сформировали коалиционное правительство. Президентом Литвы стал представитель ляудининков К. Гринюс. В этих условиях резко возросла политическая поляризация: активизировались крайне правые и крайне левые силы. В декабре 1926 г. таутининки при поддержке христианских демократов совершили государственный переворот. В апреле 1927 г. Сейм был распущен.

Произошло не просто изменение режима — изменился конституционный строй.

В соответствии с новой конституцией (1928 г.) объем президентских полномочий был существенно расширен, а срок пребывания президента на своем посту увеличен с 3 до 7 лет. Президент избирался специальным избирательным корпусом («особыми представителями нации»), состав которого определяли власти на местах. С мая 1927 по 1936 гг. правительство таутиников правило без Сейма. В 1936 г. все остальные партии были запрещены. В 1938 г. была принята новая, еще более авторитарная конституция. С 1927 г. вплоть до конца существования Литовской республики (1940 г.) президентом Литвы оставался лидер таутиников А. Сметона.

В Латвии авторитарный поворот был осуществлен по аналогичному сценарию. Здесь также нарастала политическая поляризация. Выборы 1931 г. продемонстрировали утрату позиций традиционными партиями и сдвиг общественных настроений влево. В то же время заметно активизировались фашистские организации, особенно после победы Гитлера в Германии. Центристский Крестьянский союз во главе с К. Ульманисом выступил за политическую стабилизацию и наведение порядка. 15 мая 1934 г. предложенный Ульманисом законопроект об изменении государственного устройства не был поддержан Сеймом. Буквально в ту же ночь армия совершила государственный переворот, за которым последовали пересмотр конституции, свертывание деятельности политических партий и т.п.

Пожалуй, наиболее ярко особенности авторитарной деконституционализации проявились в Эстонии. Политический процесс здесь отличался крайней нестабильностью и частой сменой правительств (с 1920 по 1934 гг. сменилось 23 правительства). На этом фоне активизировались праворадикальные силы. Периферийная

в прошлом Лига ветеранов освободительной войны (вапсы) стала едва ли не ведущей политической силой. Конституционный референдум 1933 г. поддержанный вапсами переход от парламентской к президентской форме правления. В рамках конституционной реформы предусматривались, в частности, следующие меры: ограничение власти парламента, сокращение вдвое количества парламентариев (до 50 человек), введение прямых выборов президента (государственного старейшины), который наделялся широкими полномочиями, вплоть до возможности накладывать вето на решения парламента. На прошедших в январе 1934 г. выборах в городские думы в ряде крупных городов Эстонии вапсы добились небывалого успеха. Так, в Таллинне из 87 мест в городской думе они получили 47, в Тарту из 65 мест — 33, в Нарве — половину мандатов. Практически одновременно с этими выборами вступила в силу новая конституция. 22–23 апреля 1934 г. предстояло избрать государственного старейшину, а неделю спустя — парламента.

Деятели «старых» партий во главе с лидером Объединения аграриев К. Пятсом решили предупредить возможный успех вапсов. Воспользовавшись полномочиями премьер-министра и временно исполняющего обязанности главы государства, Пятс заменил ряд сторонников вапсов в армии и полиции своими доверенными лицами и 12 марта 1934 г. ввел в Эстонии чрезвычайное положение. Лига ветеранов освободительной войны попала под запрет, около 400 вапсов были арестованы. Выборы государственного старейшины и Государственного собрания были отложены на неопределенный срок. Парламент «по государственному соображениям» был 24 апреля отпущен на «летние каникулы», а

к осени окончательно распущен. Новые законы отныне издавались в виде декретов главы государства. Все действующие политические партии были запрещены. Началась так называемая эпоха безмолвия. Все изменения оправдывались необходимостью предотвратить фашистскую угрозу, которая, по убеждению Пятса и его сторонников, исходила от вапсов.

Одной из центральных задач режима стало создание корпоративного государства. Со второй половины 1934 г. началось формирование «профессиональных палат». К уже действовавшим Торгово-промышленной и Земледельческой палатам добавились палаты инженеров, рабочих, врачей, учителей, домовладельцев, сельскохозяйственных рабочих и мелких землевладельцев. В начале 1935 г. был образован Государственный экономический совет (своего рода «палата палат»), состоявший из 15 представителей палат и 10 членов, назначаемых главой государства. В это же время на базе распущенных традиционных партий была создана эстонская «партия власти» — «Изамаалийт» («Отечественный союз»).

В полном соответствии с логикой деконституционализации началась подготовка к очередному переписыванию основного закона. На референдуме в феврале 1936 г. было одобрено предложение правительства о созыве «Национального собрания» для внесения изменений в действующую конституцию или для выработки новой конституции.

Выборы первой палаты «Национального собрания» (декабрь 1936 г.) проходили в обстановке прямого нажима со стороны властей. В 50 из 80 избирательных округов было выдвинуто по одному кандидату, каждый из которых автоматически, без голосования, оказался «избран».

Вторая палата «Национального собрания» в количестве 40 депутатов была сформирована из 30 представителей судебных органов, местных самоуправлений, корпоративных палат и других организаций и 10 назначенцев главы государства.

В феврале 1937 г. «Национальное собрание» приступило к выработке конституции на основе проекта Пятса. Ее текст был опубликован 3 сентября 1937 г., а сама она вступила в силу 1 января 1938 г. В соответствии с новой конституцией главой государства становился президент, избираемый на 6 лет. Президент получал полномочия отправлять в отставку правительство и накладывать вето на решения парламента. Носителем верховной власти объявлялся народ, декларировались основные гражданские права. В то же время предусматривалась возможность ограничения свободы слова для защиты государственной безопасности и морали. Возрастной избирательный ценз был увеличен с 20 до 22 лет.

Парламент состоял из двух палат, которые считались равноправными. В Палату депутатов избирались 80 человек сроком на 5 лет. В Государственный совет по должности входили главнокомандующий армией, главы лютеранской и православной церквей, ректоры Тартуского университета и Таллиннского технического университета, директор Эстонского банка, 10 человек назначались президентом, остальные избирались органами местного самоуправления. Члены Государственного совета должны были быть «личностями уважаемыми и достойными, известными своей гражданской добросовестностью и государственным образом мыслей», не моложе 40 лет.

Референдум по вопросу об изменении конституции мог проводиться только по решению президента.

В СССР была установлена советская власть, которая, при всей своей исторической небывалости, воспроизвела некоторые характеристики традиционной евразийской и российской политической организации.

Кризис и разрушение БЧС в ходе Второй мировой войны

Период между двумя мировыми войнами был не чем иным, как двадцатилетним перемирием в ходе большой мировой войны XX столетия. Для БЧС этот тезис, безусловно, верен. Поворот в сторону ужесточения власти, о котором шла речь в связи с эволюцией суверенных лимитрофов системы — новых государств Прибалтики, проявился еще резче в центрах силы. Германия и СССР создали свои классические версии тоталитаризма, Польша и Румыния — столь же классические версии жесткого (порой аномально жесткого) авторитаризма. Во многом это объясняется тем, что, не успев в полной мере выйти из одной войны, все эти страны были вынуждены формировать режимы для ведения новой широкомасштабной войны.

Благодаря внутреннему развитию и изменению их положения в мире Германия и СССР вновь стали главными центрами силы БЧС, образующими основную структурную ось Запад–Восток. Можно сколько угодно фантазировать по поводу упущенных возможностей советско-германского альянса, но нельзя не признать, что предпринятая СССР и Германией в конце 1930-х годов перекройка и перестройка пространства БЧС не делала их союзниками. Напротив, они выстраивали не просто границу непосредственного соприкосновения, а, фактически, линию фронта.

Основой передела БЧС послужил так называемый Пакт Молотова–Риббентро-

па — подписанный 23 августа 1939 г. договор между СССР и Германией о ненападении и секретные соглашения о разделе сфер влияния, которые 28 августа были дополнены новыми соглашениями, позволившими Германии оккупировать Польшу, а СССР — «освободить» западные территории Украины и Белоруссии. Советский Союз с помощью довольно простой комбинации сначала заключил серию договоров с государствами Прибалтики, а затем инкорпорировал эти государства в качестве союзных республик. Наконец, восстановление контроля Москвы над Бессарабией стало платой за распространение германского влияния на Румынию и всю Центрально-Восточно-европейскую зону.

В ходе войны Германия произвела полную перестройку как БЧС, так и ее Центрально-Восточноевропейского двойника, интегрировав их в структуру Третьего рейха в качестве зависимых территорий имперской экспансии. Удар, наносившийся по СССР, был ударом по противоположному структурному центру. Гитлер рассчитывал поглотить БЧС по примеру Александра I, но на деле ему пришлось играть роль Наполеона. Роль же царя-победителя взял на себя Сталин. В Ялте и Потсдаме, как некогда русский царь в Вене, советский вождь определял контуры международного порядка. Все Балто-Черноморье, включая Пруссию, вошло в состав Советского Союза. Здесь Сталин пошел дальше Александра I. Все лимитрофы были поглощены единственной имперской державой. Более того, к ней добавилось небольшое, но стратегически крайне важное предместье в виде Закарпатья. Наконец, все пространство геополитического двойника БЧС — Центральной Восточной Европы — было превращено во внешнюю лимитрофную оболочку СССР. Однако и БЧС, и Центральная Восточная

Европа по-прежнему оставались структурными политическими образованиями. Они просто перешли в очередную фазу своего латентного существования.

Советская латентная фаза существования БЧС

После Второй мировой войны Балто-Черноморская зона, за исключением Финляндии и западной, запрутской части Молдавии, была практически полностью поглощена Советским Союзом. Однако пространство территорий-ориентиров не только не утратило своего лимесного характера, но, напротив, прорисовалось во многих отношениях четче, чем в межвоенный период. Калининградская область, Эстонская, Латвийская, Литовская, Белорусская, Украинская и Молдавская союзные республики отчетливо воспроизводили коренную конфигурацию БЧС. Структура территорий-ориентиров несколько смазывалась, пожалуй, образованием и последующим расширением Украинской ССР. Она поглотила несколько краев со вполне определенной спецификой, включая автономный Крым. Кроме того, продолжилось исключение из числа территорий-ориентиров пространств прежних Новгородчины и Псковщины, или тогдашних Ленинграда с округой.

Советский Союз проводил политику симуляции государственности союзных республик, чему способствовало членство Украины и Белоруссии в Организации Объединенных Наций. Но в условиях хрущевской оттепели, а затем и в брежневские времена относительная самостоятельность республик становилась все более выраженной. В этом процессе противоречиво сочетались две политические линии. Одна — условно назовем

ее *национализаторской* — предполагала усиление национального характера республик, поддержку развития культуры титульной нации, продвижение ее представителей в органы республиканской власти. Другая — по аналогии ее можно назвать *советизаторской* — ставила во главу угла укрепление советского патриотизма, «дружбу народов» и консолидацию «новой исторической общности советских людей».

Национализаторская политика получила относительное преимущество в республиках Прибалтики и в Молдавии. В каждой из них она имела свои особенности, проводилась с разной степенью интенсивности, менялись ее динамика и соотношение с советизаторской политикой. В Белоруссии возобладал курс на усиление советского патриотизма. На Украине обе линии не только сочетались, но порой вступали в конфликт или производили неожиданные эффекты, а главное — их контрапункт заметно отличался во времени и в пространстве. Фактически, на разных территориях-ориентирах, искусственно соединенных в УССР, складывались свои традиции сочетания национализаторской и советизаторской политик.

Обе политические линии, пусть не прямо, но вполне закономерно, соответствовали размежеванию город–село. Наиболее активными агентами национализаторской политики выступали преимущественно представители гуманитарной «национальной интеллигенции», защитники национальной «почвы», а также партийные выдвиженцы из глубинки. Советизаторскую линию в основном поддерживали слои, затронутые урбанизацией, и партийные выдвиженцы из индустриальных центров.

Своеобразные сочетания национализаторской и советизаторской политик, меняв-

шиеся в течение десятилетий, послужили созданию своего рода формул размежевания, которые во многом определили природу и ход политического процесса на этапе формирования независимых государственных образований.

С начала 1980-х годов импульс перемен, исходивший из Москвы, уже вполне явно ощущался на местах и получил политическое выражение в ходе перестройки. Ключевыми событиями в этом отношении стали XIX партконференция и первые соревновательные выборы. Импульс был быстро подхвачен и в странах Центральной Восточной Европы, имевших действительную, а не симулированную государственность, — в Польше, Венгрии, а впоследствии в ЧССР и ГДР. Кульминацией этих процессов стали «бархатные революции» 1989 г.

В советских республиках процесс освобождения от советско-коммунистического наследия носил догоняющий характер в сравнении и с Москвой, и со странами Центральной Восточной Европы. Однако в ходе подготовки нового Союзного договора он получил мощное ускорение, следствием чего стала ускоренная суверенизация 1991 г.

Траектории политического развития новых независимых государств различались в зависимости от исходных условий, которые, вопреки устойчивым представлениям, не были равными. В результате в рамках единого Балто-Черноморского пространства возник небывало пестрый набор весьма своеобразных решений проблемы государственного строительства и формирования наций. Среди них можно выделить три разновидности «балтийского пути», белорусскую и молдавские модели, а также постоянные коллизии альтернативных украинских моделей.

Четвертая БЧС и ее Центрально-Восточноевропейский двойник

Четвертая БЧС вышла из недр советского имперского пространства, что наложило отпечаток на ее конфигурацию и природу. Прежде всего, крайне упростился имперский контрапункт. По сути, его создавали Москва и Брюссель. Отдельные западные державы и даже США существенной роли в этом процессе не играли. Значение имели, скорее, исторические традиции. Именно они позволили Германии, Швеции, Польше и Венгрии влиять на бывшие территории-ориентиры, ныне независимые государства. Особый случай — Румыния, которая удерживала за собой западную часть территории-ориентира Молдавии и неполное, разделенное государство Республику Молдова.

Общую конфигурацию БЧС образуют эксклавная Калининградская область, Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия, Украина и Молдавия с важными «ответвлениями» в виде Финляндии и в некоторых отношениях, связанных с ее квазиимперскими притязаниями, — Польши. Петербург с округой при всей их особости и балтийскости, фактически, не включен в систему, хотя его стертый, но не уничтоженный долгой столичностью потенциал одной из территорий-ориентиров еще может быть возрожден и использован.

В течение почти пяти веков ныне независимые государства Балто-Черноморья входили в качестве территорий-ориентиров в состав пограничий Швеции, Пруссии (Германии), Австрии, Турции и России, что не могло не отразиться на их внутреннем устройстве. Для этой зоны также характерна более или менее длительная гегемония России и/или СССР, связанная с укоренением формул государственного строительства,

образованных контрапунктом националистских и империализаторских политик.

Двойственное положение лимитрофных политий Балто-Черноморской зоны способствовало возникновению ряда общих институциональных черт, связанных по своему происхождению с гегемонией на севере Польши, Швеции и Германии, с одной стороны, России и СССР — с другой, а на юге — Австрии, Турции и России.

В самом общем виде палитру государственных форм Балто-Черноморья можно представить следующим образом.

На севере устойчиво развивается Финляндия, совершившая медленный, компромиссный и крайне «соглашательский» выход из недр, а затем и из сферы имперской гегемонии. Успех обеспечивается политикой «финляндизации», которая, фактически, зародилась еще в александровские времена и до сих пор приносит добрые плоды как Финляндии, так и России.

В Эстонии создана парламентская республика, близкая к нормативной, а в Латвии — более своеобразный ее вариант. В обоих случаях государственность осложнена сохранением пережитков самодержавного синдрома и проведением национализаторской политики в радикальных, напоминающих апартеид формах. На этом фоне Литва отстывает от парламентаризма и сдвигается в сторону президентско-парламентской системы, чреватой опасностями суперпрезидециализма. В то же время она поощряет широкий плюрализм и автономность неформальных сегментов своей политики. И то, и другое связано, возможно, с усвоением некоторых российских и польских традиций.

Белоруссия дает яркий пример суперпрезидециализма. Структурно в его основе лежит президентско-парламентская система, а с точки зрения повлиявших

традиций — доминирование советизаторской политики. Недаром белорусской политической системе понадобилось имперское подкрепление в виде Союзного государства России и Белоруссии. Впрочем, при ином раскладе общую рамку можно было бы создать с Варшавой или даже с Брюсселем.

Наибольшие трудности вызывает интерпретация украинской государственности. Основная проблема связана с тем, что еще в советские времена для целого набора разнородных территорий-ориентиров была разработана сверхобъемная модель унитарной государственности. Несмотря на устойчивые и принципиальные различия, все эти территории в этнокультурном и языковом отношении были довольно близки друг к другу. Уже более века существует и продолжает укореняться украинская идентичность (при всей ее противоречивости и неуклюжести). Жизнь требует более сложных и богатых институциональных решений, нежели одна единственная немудрящая рамка псевдогосударственности советского образца. Украинские же политики уперлись в «священную корову» унитаризма, а точнее, в искусственную конструкцию столичного центра и искусственной административно-территориальной нарезки. Между тем очевидно, что продуктивное и осмысленное государственное строительство в Украине, превращение ее из искусственно сложенного пространства в целостное государство невозможно без усвоения сложных форм политической организации, включая принципы территориального (федеративного или автономистского), консоциального и корпоративного распределения власти, без учета исторического разнообразия нынешнего политического пространства страны, неоднородности ее населения и особенностей различных политических культур.

Для Молдавии характерно достаточно сбалансированное и устойчивое сочетание парламентаризма с авторитетной и способной к национальной консолидации президентской властью. Однако это не означает отсутствия серьезных пробелов в государственном строительстве, а тем более, в процессе формирования нации. Но все эти проблемы решаемы, особенно под давлением неблагоприятных условий, заставляющих политиков и граждан прийти к согласию и получать пусть малые, но надежные результаты.

Трудности консолидации государственности в Республике Молдова заключаются в том, что это неполная, разделенная страна. Западная Молдавия принадлежит Румынии, Буковина — Румынии и Украине, а традиционное приднестровское ядро экономического, культурного и политического развития страны трагическим образом отринута от нее и превращено в Приднестровскую Молдавскую Республику.

При всем разнообразии путей развития страны Балто-Черноморья объединяет общая системная близость. Это означает, что решение многих проблем государственного строительства, порожденных в свое время соперничеством имперских центров, может быть оптимизировано за счет межгосударственного сотрудничества.

Перспективы БЧС и ее Центрально-Восточноевропейского двойника

Определение БЧС как «междумирья» акцентирует ее функциональную роль как соединения, точнее, взаимного наложения европейской и евразийской цивилизационных общностей. Впрочем, в самом общем виде это справедливо и по отношению к Центрально-Восточноевропейскому ре-

гиону. Подобное наложение существенно влияет на формирование отдельных территорий — самостоятельных политий или регионов внутри них, на отношения между ними, а также на их политическое устройство и природу. Неясными остаются три вопроса.

1. В какой мере политики и граждане аналитически выделяемых зон и/или составляющих их территорий способны концептуализировать их существование, «свое предназначение» в более широких и основательных терминах, чем «мост между Востоком и Западом» и «возвращение в Европу»?

2. Что могут предложить миру политики Восточной и Центральной Восточной Европы, кроме поучительного опыта просчетов, ошибок и столкновений с неожиданными проблемами политического развития? Какие уроки извлечены? Какие достижения могут стать образцами для подражания политикам и гражданам в других частях мира?

3. Какое место в мировой политике могут занять политики Восточной и Центральной Восточной Европы по отдельности и как особые сообщества?

Ответы на эти вопросы должна дать не политическая наука, а практика. Именно она покажет, способны ли политики Восточной и Центральной Восточной Европы, населяющие их народы, политико-культурные общности и отдельные лица стать субъектами собственного и мирового развития. В этой связи хорошо было бы дополнить развиваемый в настоящей статье структурный подход, ставящий во главу угла устойчивое воспроизведение конфигураций геополитического освоения территорий, новой модификацией агентивного подхода, позволяющего увидеть, помимо влиятельных держав, растущие по всем направлениям субъекты

развития самых разных масштабов и природы. В таком случае, разумеется, пришлось бы существенно уточнить, а, возможно, и пересмотреть и структурный подход.

Обработка исторических данных с помощью предложенного в настоящей статье концептуального инструментария позволяет выдвинуть некоторые предположения. В длительной эволюционной перспективе можно усмотреть аналогии между БЧС и ее Центрально-Восточноевропейским двойником, с одной стороны, и европейским «поясом городов», с другой. В целом, просматриваются не слишком четкие, но вполне заметные основания для обретения двуединой зоной европейско-евразийского взаимоналожения своего цивилизационного и политического предназначения, аналогичного тому, которое осуществил «пояс городов» в Европе. Напомним, «пояс городов» интегрировал оба крыла Европы — «цивилизованное» романское и «варварское» германское. Сейчас он выступает

в качестве ядра Европейского союза. По аналогии можно, вероятно, размышлять об интеграции Европы и Евразии.

Многое, разумеется, зависит от того, насколько успешно зона цивилизационного взаимоналожения будет преобразована в интерфейс более современного взаимодействия политических пространств Европы и Евразии. Не менее важно, однако, и то, насколько более широкие сообщества Европы и Евразии будут готовы использовать данный интерфейс для трансформации системы «Европа—Евразия» из преимущественно конфликтной в кооперативную. Структура уже есть — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Дело за тем, чтобы составляющие ее политики по-новому оценили открывающиеся перед ними возможности. Политическая наука может помочь этому, если в ее рамках будет развернуто исследование различных аспектов политических образований, подобных БЧС.